

Комаровский Николай Егорович

**Записки графа Николая
Егоровича Комаровского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Егорович К.**
Записки графа Николая Егоровича Комаровского / Комаровский Николай
Егорович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 112 с.

ISBN 978-5-519-89990-1

ISBN 978-5-519-89990-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

уже усвоена всѣми, кромѣ русскихъ, которые до сихъ поръ, по выраженію Юрія Крижанича, „другъ друга ѣдятъ и тѣмъ сыты бываютъ“.

Эта русская рознь доставила покойному немало горькихъ минутъ. Теперь пламенно любившая и много страдавшая душа его успокоилась навѣки въ обители, озаренной Тихимъ, Немерцающимъ Свѣтомъ.

Свѣтлая-же память о немъ никогда не изгладится въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ и любившихъ его.“

* *
*

I.

Самыя отдаленныя воспоминанія моего дѣтства восходятъ до начала пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Я былъ младшій изъ пяти сыновей отца, который всецѣло посвятилъ себя нашему домашнему воспитанію.

Самъ отецъ мой, Графъ Егоръ Евграфовичъ былъ воспитанникомъ извѣстной въ свое время коллегіи Іезуитовъ, допущенныхъ въ Россію Императоромъ Александромъ I, подъ честнымъ словомъ, что, открывъ въ Петербургѣ учебное заведеніе, они отнюдь не будутъ имѣть пользоваться для совращенія ввѣренной ихъ обученію русской молодежи въ лоно Римско-католической Церкви.

Отцу моему было всего 13—14 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день было объявлено всѣмъ воспитанникамъ, живущимъ въ Іезуитскомъ пансіонѣ, что они свободны и могутъ возвратиться въ домъ своихъ родителей, такъ какъ сами воспитатели, патеры Іезуиты, должны были немедленно оставить Петербургъ. Сидящіе въ карцерѣ ученики были въ свою очередь торжественно выпущены на свободу, въ виду внезапной невзгоды, постигшей самихъ наставниковъ. Въ ту же ночь Іезуиты должны были выѣхать изъ столицы.

Дѣло было такъ. Одинъ изъ воспитанниковъ коллегіи молодой Князь Гагаринъ находился въ домовой церкви Министерства Народнаго Просвѣщенія, Министръ котораго приходился ему близкимъ родственникомъ. По окончаніи службы Гагаринъ демонстративно отказался приложиться къ кресту, объяснивъ, что онъ не можетъ цѣловать не настоящій крестъ, а на вопросъ, какой же онъ считаетъ таковымъ, убѣжденно отвѣтилъ, что настоящій крестъ есть тотъ, которому поклоняются его воспитатели патеры Іезуиты. Случай

этотъ немедленно былъ доложенъ Министромъ Государю, который тутъ же приказалъ въ 24 часа убрать Иезуитовъ изъ Петербурга, считая эту мѣру лишь справедливымъ возмездіемъ за невыполненное Иезуитами обѣщаніе не производить католической пропаганды среди православныхъ воспитанниковъ ихъ коллегіи.

Иезуитскій пансіонъ, по справедливости, считался лучшимъ воспитательнымъ заведеніемъ того времени и въ немъ получали образованіе дѣти такъ-называемаго высшаго русскаго общества. Въ свое время въ немъ воспитывался извѣстный всему образованному міру Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Позднѣе современниками моего отца были Графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ, отецъ Петра Андреевича, посла въ Лондонъ, участника Берлинскаго Конгресса и Павла Андреевича, недавно умершаго, бывшаго нашего посла въ Берлинъ, Графъ Павелъ Дмитріевичъ Толстой и Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, выѣстъ съ которымъ отецъ мой впоследствии поступилъ юнкеромъ въ Конногвардейскій полкъ и къ которому всю жизнь сохранилъ чувства товарищеской привязанности и дружбы.

Въ ту пору коллегія Иезуитовъ помѣщалась во дворѣ католической церкви Св. Екатерины, на Невскомъ. Внѣшняя сторона воспитательнаго дѣла въ пансіонѣ Иезуитовъ была поставлена въ условія удобства и даже роскоши, дотолѣ невѣдомой въ Петербургѣ: каждый воспитанникъ имѣлъ свою комнату, въ родѣ келіи, которую въ извѣстные часы, назначенные для приготовленія уроковъ, не имѣлъ права оставить. Дисциплина, введенная въ этомъ заведеніи, ничѣмъ не уступала таковой же въ нашихъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, съ той лишь разницей, что въ пансіонѣ Иезуитовъ она облекалась въ болѣе мягкія и вѣжливыя формы. Очевидно почтенные патеры руководствовались въ своихъ педагогическихъ приѣмахъ излюбленной ими французской поговоркой: *gant de velours, main de fer* (желѣзная рука въ бархатной перчаткѣ).

Ровно въ 6 часовъ утра патеръ Иезуитъ обходилъ обширный корридоръ заведенія съ ключемъ въ рукахъ, которымъ троекратно стучалъ въ двери каждой келіи, и этимъ способомъ, замѣнявшимъ барабанный бой въ корпусахъ, онъ подавалъ сигналъ къ началу трудового дня. Уже черезъ четверть часа всѣ ученики пансіона должны были быть собраны въ рефектуаръ (столовой), а черезъ слѣду-

ющую четверть часа начинались классы под непосредственнымъ руководствомъ патеровъ.

Первое мѣсто въ общей системѣ образованія въ Іезуитскомъ пансіонѣ занимало изученіе латинскаго языка, по самой обширной программѣ, но не въ *долбяику*, съ помощью учебника въ родѣ Кюенера, какъ то практиковалось вполнѣ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ, но вдумчивымъ изученіемъ всѣхъ тонкостей языка, для правильнаго и изысканнаго на немъ оборота рѣчи, выражающей мысль. При изученіи латыни, въ этой области отъ учениковъ требовалась извѣстная доля творчества и, вслѣдъ за толковымъ изученіемъ синтаксиса и перевода самыхъ легкихъ латинскихъ авторовъ, имъ уже задавались на латинскомъ языкѣ сочиненія въ прозѣ и стихахъ на легкія темы, доступныя ихъ возрасту.

Въ этомъ случаѣ задача Іезуитовъ была выработать во ввѣренной имъ молодежи, главнымъ образомъ, привычку къ самостоятельному труду и къ извѣстному дисциплинированію мысли. Съ этимъ направленіемъ, конечно, нельзя не согласиться. Отецъ мой хорошо помнилъ, какъ 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ онъ сживалъ уединенно, въ своей кельѣ за сочиненіемъ латинскихъ стиховъ, и время, казалось ему, летѣло незамѣтно. Этимъ самымъ Іезуитами было достигнуто многое, а именно, что мальчикъ не скучалъ заниматься.

Совмѣстно съ усиленнымъ преподаваніемъ древнихъ языковъ, въ Іезуитскомъ пансіонѣ особенное вниманіе было обращено на толковое изученіе всеобщей исторіи. При этомъ и въ этой области старательно возбуждалась въ ученикѣ его самостоятельная работа и поддерживался интересъ къ преподаваемому предмету.

Съ одной стороны строгая дисциплина, не допускающая ни малѣйшаго исключенія въ разѣ установленномъ порядкѣ, поддерживала авторитетъ Іезуитовъ среди учениковъ, а съ другой же ихъ осмысленное и терпѣливое преподаваніе, сопряженное съ привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ, чуждымъ всякой формальности, невольно увлекали дѣтей и располагали ихъ въ пользу своихъ воспитателей. Патеры Іезуиты умѣли использовать не только часы уроковъ, но и, находясь неотлучно при воспитанникахъ во время рекреаціи, занимали ихъ интересными разсказами преимущественно изъ исторіи, устраивали имъ игры и разными развлеченіями, и такимъ образомъ достигали

главной задачи, находится всегда въ самомъ ближайшемъ общеніи со вѣрннымъ имъ юношествомъ.

Съ національной точки зрѣнія, весьма понятно, что образованіе, преподаваемое въ стѣнахъ коллегіи Іезуитовъ, гдѣ русскій языкъ и русская исторія считались чуть ли не предметами второстепенными, носило характеръ космополитическій и непригодный для достоинства великаго народа, но вѣдь и вся образованная Россія въ ту пору была въ значительной степени не національная, а какъ разъ такая, каковую ее хотѣли бы сдѣлать и сейчасъ разные современные говоруны.

Въ пансіонѣ Іезуитовъ успѣхи въ русскомъ языкѣ были рассчитаны на пребываніе учениковъ среди ихъ семействъ, куда они отпускались по праздникамъ. Но и въ эти дни они должны были обязательно ночевать въ заведеніи. Исключеніе дѣлалось лишь для первыхъ дней Рождества и Пасхи. На каникулы дѣти отпускались домой лишь на одинъ мѣсяць.

Собственно, Іезуиты положили начало въ Россіи системѣ классическаго образованія, надъ которымъ столь потрудились въ свое время М. Н. Катковъ и его ближайшій сотрудникъ П. М. Леонтьевъ. Къ несчастію, тогда не было обращено вниманіе на совмѣстное съ образованіемъ и воспитательное начало, въ которомъ Іезуиты, само собой, усматривали необходимое условіе для правильнаго примѣненія классицизма въ учебныхъ заведеніяхъ. Строгая классическая система вполнѣ была возможна у насъ лишь въ закрытыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, гдѣ среда и весь складъ жизни учениковъ былъ бы поставленъ въ соотвѣтствіе съ общей системой преподаванія. Въ противномъ случаѣ, изученіе древнихъ языковъ является въ общемъ лишь долбяшкой, потребной для сдачи урока или экзамена, а нерѣдко служащей переутомленію учащагося.

М. Н. Катковъ хорошо понималъ эту истину, когда основывалъ въ Москвѣ закрытое заведеніе, Лицей Цесаревича Николая. Дальнѣйшіе шаги по введенію въ Россіи классицизма во времена Гр. Д. А. Толстого должны быть отнесены скорѣе къ дѣятельности сотрудника Каткова, Леонтьева. Въ то время все вниманіе самого Каткова было поглощено уже вопросами нашей внѣшней политики.

Послѣ закрытія Іезуитскаго пансіона въ 1816—17 году, отецъ

мой продолжалъ уже воспитаніе въ домѣ своихъ родителей и къ нему былъ приставленъ въ качествѣ наставника французъ эмигрантъ Г. Баронъ, а также приглашены лучшіе учителя въ Петербургѣ.

Дѣдъ мой былъ первымъ Генераль-Адъютантомъ въ царствованіе Императора Александра I-го и жилъ въ то время въ своемъ домѣ на углу Фонтанки и Семіоновскаго моста.

Въ началѣ царствованія Александра Павловича, было всего 4 Генераль-Адъютанта и, по положенію, они ежедневно должны были обѣдать у Государя. Этому обычаю положило конецъ, однажды, не совсѣмъ удобное по выбору выраженій, пререканіе во время обѣда, между Генераль-Адъютантами Графомъ Орловымъ-Денисовымъ и Графомъ Толемъ. Съ этого дня Генераль-Адъютантовъ уже не приглашали къ Высочайшему столу и имъ начали выдавать впервые такъ называемыя столовыя деньги. Къ обѣду же являлся лишь дежурный Генераль-Адъютантъ, поставленный такимъ образомъ въ невозможность вести слишкомъ оживленные бесѣды съ своими коллегами, въ присутствіи Императрицы.

Къ раннему дѣтству моего отца относится одно интересное, по своему значенію, обстоятельство. Въ 1808—9 году мой дѣдъ Евграфъ Федотовичъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи бабушки Елизаветы Егоровны и своего старшаго сына, моего отца, которому тогда было 6-тъ лѣтъ отъ роду. Не вполнѣ установлено, была ли эта поѣздка предпринята для исполненія секретнаго порученія Императора Александра Павловича къ Наполеону I, но извѣстно, что дѣдъ былъ принятъ Наполеономъ и вступилъ въ сношенія съ тогдашними Французскими политическими дѣятелями. Дабы не оставлять моего отца одного, во время обязательныхъ выѣздовъ, и бабушки, къ нему былъ нанятъ молодой французъ, по имени Пелисье, въ качествѣ такъ-называемаго въ тѣ времена *тепін* т. е. дядьки, обязанность котораго состояла водить гулять отца по садамъ Парижа и показывать ему все, что могло интересовать ребенка его лѣтъ. Когда снова вспыхнула война 9-го года, дѣдъ мой немедленно долженъ былъ оставить Парижъ, и по усиленной просьбѣ этого самаго Пелисье и привыкшаго къ нему моего отца, рѣшилъ взять съ собой 20-ти-лѣтняго француза, который и отправился въ путь на козлахъ дорожной кареты. Пелисье подлежалъ набору въ военную службу и

могъ быть узнавъ и задержанъ по дорогѣ, занятой уже передвиженіемъ французскихъ войскъ, но благодаря открытому листу, полученному дѣдомъ отъ Наполеона, дѣло обошлось благополучно и въ Петербургѣ онъ снова вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей дядьки при отцѣ. Но вскорѣ дѣдъ мой заподозрилъ mentor'a въ шпіонствѣ и отправилъ его обратно во Францію, гдѣ на этотъ разъ онъ и поступилъ на военную службу. Вторично онъ явился уже въ 1854 году въ чинѣ дивизіоннаго генерала, а затѣмъ маршала подъ стѣнами Севастополя.

Мнѣ извѣстно, что отецъ мой интересовался тогда, что было общаго между бывшимъ дядькой и французскимъ маршаломъ, и, какъ оказалось, это было одно и то же лицо. Какъ потомъ говорилъ отецъ, онъ бы охотно упросилъ вторично дѣда не отпускать Пелисье, только на этотъ разъ, уже изъ Россіи.

Въ 1820 году отецъ мой поступилъ юнкеромъ въ Л. Гв. Конный полкъ, а его почтенный воспитатель открылъ пансіонъ, въ которомъ между прочимъ воспитывался братъ отца, дядя Графъ Павелъ Евграфовичъ.

Въ полку отецъ снова встрѣтился съ Княземъ Александромъ Аркадьевичемъ Суворовымъ, своимъ одноклассникомъ по Іезуитскому пансіону, также вступившимъ юнкеромъ въ тотъ же полкъ. Вмѣстѣ они, уже офицерами, участвовали въ усмиреніи мятежа 14 Декабря 1825 г. и у нихъ на глазахъ, во время атаки на Дворцовой площади, у командира эскадрона, Барона Велію, была ядромъ оторвана рука. Дѣдъ мой находился въ этотъ день при Государѣ Николаѣ Павловичѣ и былъ посланъ имъ привести на площадь Л. Гв. Финляндскій полкъ, уже послѣ того, какъ командиръ І-го баталіона этого полка, Баронъ Фредериксъ, палъ жертвой мятежа. Ночь съ 14 на 15 Декабря Конногвардейскій полкъ провелъ бивуакомъ на Дворцовой площади и здѣсь произошелъ, хотя и незначительный самъ по себѣ, но весьма характерный, случай, указывающій, насколько тогдашняя молодежь извѣстнаго круга, была поставлена въ условіяхъ космополитической, не русской жизни. Отецъ мой грѣлся у костра, разговаривая съ однимъ изъ своихъ товарищей, кажется Донауровымъ, о событіяхъ дня, и разговоръ происходилъ, какъ и обыкновенно, на французскомъ языкѣ. Въ это время, по близости

къ нимъ у костра же всталъ только-что прибывшій къ нимъ въ полкъ молодой офицеръ. Не желая продолжать разговора въ присутствіи совѣмъ еще незнакомаго имъ человѣка, отецъ съ Донауровымъ заговорили уже по русски, такъ какъ новыи товарищъ, Князь Голицынъ, ни единого слова на русскомъ языкѣ не понималъ. Такимъ образомъ нашъ родной языкъ оказался на положеніи иностраннаго....

Когда, спустя многіе годы, отцу случилось упоминать объ этомъ случаѣ, то помню, какъ по его лицу пробѣгала грустная тѣнь. Онъ вполне сознавалъ, что космополитизмъ, охватившій во времена его молодости высшіе слои Петербургскаго общества, настолько же отражался и на всѣхъ общественныхъ и правящихъ слояхъ страны. Этотъ космополитизмъ и сворачивалъ Россію съ ея національнаго, естественнаго пути.

Не смотря на полученное воспитаніе, отецъ мой всю жизнь сохранялъ самую искреннюю привязанность къ своей родинѣ и къ своему народу, съ которымъ въ тѣ времена Петербургская молодежь сталкивалась единственно на почвѣ военной службы, сближающей людей посредствомъ понятія объ общей участи передъ лицомъ смерти и помогающей ихъ познавать.

Чувство національнаго самосознанія особенно укрѣпилось въ обществѣ міросозерцаніи моего отца со времени его сближенія, въ Москвѣ, съ Славянофилами того времени. Многіе изъ нихъ, какъ то, Кирѣевскіе, Хомяковъ, были близкими ему друзьями. Хомякова онъ зналъ еще по Ковной гвардіи. Въ полку отецъ былъ особенно друженъ, за исключеніемъ Суворова, съ Княземъ Одоевскимъ, не взирая на различіе существующихъ между ними убѣжденій. Одоевскій былъ замѣшанъ въ политическомъ движеніи 1825 года и за участіе въ заговорѣ 14-го Декабря былъ, какъ извѣстно, сосланъ въ Сибирь. Одоевскій былъ поэтъ и отличался выдающимися качествами сердца и ума. Отецъ мой былъ къ нему искренно привязанъ и, не смотря на неудобства, представляемыя обстоятельствами того времени, до самой смерти своего друга въ изгнаніи, находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ и, какъ то усматривается изъ сохранившихся писемъ, былъ посредникомъ при перепискѣ Одоевскаго съ близкими ему родственниками.

Дружба, существовавшая въ полку между Одоевскимъ, моимъ отцомъ и Суворовымъ, подала поводъ Государю Николаю Павловичу усумниться въ непринадлежности къ заговору 14 Декабря и двухъ послѣднихъ, но было установлено, что и отецъ и Суворовъ, ссылались на свои коренныя убѣжденія, прямо отказались отъ участія въ какихъ-либо политическихъ собраніяхъ, бывшихъ по этому поводу, дабы не быть поставленными, по чувству долга и присяги, въ положеніе выдать своихъ товарищей, на что ни Суворовъ, ни отецъ, не были бы способны.

Какъ извѣстно, офицеръ Гвардіи Ростовцевъ нашелъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы поступить иначе.

Во время слѣдствія по событію 14 Декабря, дѣдъ мой, назначенный верховнымъ судьей для разбора этого дѣла, на вопросъ однажды Николая Павловича: „неужели я узнаю, что твой сынъ и Суворовъ тоже были тамъ?“ отвѣтилъ: „нѣтъ, Государь, не узнаете, такъ какъ и тотъ и другой въ такомъ случаѣ уже стояли бы добровольно передъ Вами“. Къ концу двадцатыхъ годовъ относится знакомство отца съ молодымъ поэтомъ Веневитиновымъ, Дмитріемъ Владиміровичемъ, а засимъ и женитьба на его сестрѣ Софіи Владиміровнѣ Веневитиновой.

Семья Веневитиновыхъ, стариннаго рода Воронежскихъ дворянъ, проживала въ своей вотчинѣ с. Н. Животинномъ, Воронежской губерніи и уѣзда, на берегу живописнаго Дона, а на зиму, какъ и большинство зажиточнаго въ то время помѣстнаго дворянства, со всѣмъ домою перебиралась на жительство въ Москву. Въ Москвѣ у Веневитиновыхъ, на Мясницкой, въ приходѣ Св. Евпла, былъ свой собственный обширный барскій домъ и ежегодно осенью въ него вгребалась вся семья моего дѣда Владиміра Петровича съ многочисленными домочадцами и проживающими для компаніи, мелкопомѣстными дворянами.

Любопытное зрѣлище представлялъ собой переѣздъ на долгихъ изъ деревни въ городъ и обратно. Впереди ѣхали, въ каретахъ на высокихъ рессорахъ, господа съ дѣтьми, близкіе имъ родственники, нахлѣбники и приживалки изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Интересно, что въ жизни помѣщичьихъ дворянъ первой половины прошлаго вѣка способъ передвиженія имѣлъ своеобразное